ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЯ СТАЧКИ.

330
П-361

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЯ

СТАЧКИ.

8
182

Д. Пихно.

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1885.

4

Пров 38

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1885 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

БИБЛІОТ... УНИВЕРСИТ... АКАДЕМІИ
208
39

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЯ СТАЧКИ.

(Докладъ, читанный въ засѣданіи Кіевскаго Юридическаго Общества 13 апрѣля 1885 года).

Въ послѣднія два десятилѣтія получили значительное развитіе торгово-промышленныя соглашенія, носящія различныя названія, но по существу подходящія подъ юридическое понятіе *стачки*. Стачками вообще называются соглашенія между самостоятельными представителями той или иной экономической группы населенія, коими регулируются условія производства, сбыта или потребленія товаровъ и услугъ, съ цѣлью устраненія конкурренціи. Преслѣдуя одинаковую цѣль и объединяясь этой

цѣлью въ одно родовое понятіе, стачки въ то же время представляютъ столько разновидностей, сколько существуетъ общественныхъ группъ, среди которыхъ онѣ практикуются. Могутъ быть стачки производителей—промышленниковъ, торговцевъ, потребителей, рабочихъ, работодателей, капиталистовъ, наконецъ, стачки въ области либеральныхъ профессій, напр., стачки врачей, адвокатовъ и проч.

1) Наибольшее практическое значеніе имѣли до послѣдняго времени стачки рабочихъ, вызвавшія спеціальное законодательство и обширную экономическую и юридическую литературу. Вслѣдствіе опасности стачекъ рабочихъ для общественнаго спокойствія и порядка и тяжкихъ преступленій, которыми онѣ нерѣдко сопровождаются, всѣ законодательства долго смотрѣли на эти стачки, какъ на тяжкое уголовное преступленіе и строго карали самое составленіе стачки или участіе въ ней. Подъ вліяніемъ доктринъ о политической и экономической свободѣ и невмѣшательствѣ государства въ эконо-

мическія отношенія, этотъ взглядъ постепенно уступалъ свое мѣсто новому воззрѣнію, признающему стачки рабочихъ однимъ изъ способовъ свободной экономической борьбы, регулирующей цѣну труда. Руководясь этимъ воззрѣніемъ, большинство западно-европейскихъ законодательствъ исключили стачку рабочихъ изъ числа уголовныхъ проступковъ, оставивъ уголовную кару за проступки и преступленія, сопутствующіе стачкамъ, но не связанные неизбѣжно съ ними, наприм., за принужденіе или насиліе со стороны участниковъ стачки противъ лицъ, не желающихъ принять въ ней участія. Нѣкоторыя законодательства, въ томъ числѣ и наше, остались при прежнемъ воззрѣніи.

2) Второй видъ стачекъ—стачки работодателей, посредствомъ которыхъ они устанавливаютъ общія правила и условія для найма рабочихъ и служащихъ. Этихъ стачекъ законодательство не касалось, хотя онѣ представляютъ нерѣдкое явленіе. Уже Адамъ Смитъ говорилъ: „воображать, что хозяева рѣдко уговариваются

между собой, значитъ не знать ни свойствъ этого предмета, ни условій жизни. Хозяева всюду и всегда находятся, хотя и въ неслышной, но тѣмъ не менѣе постоянной, неизмѣнной стачкѣ, имѣющей цѣлью не поднимать заработной платы выше существующей на неё цѣны. Нарушеніе этого закона считается всюду за предательство и вызываетъ противъ виновнаго осужденіе со стороны его сосѣдей и близкихъ людей. Если въ дѣйствительности мы никогда не слышимъ объ этой стачкѣ, то это потому, что она составляетъ обычное состояніе, можно сказать даже—естественный порядокъ вещей, на который никто не обращаетъ вниманія. Помимо того, хозяева нерѣдко заключаютъ между собою особые союзы для пониженія заработной платы ниже существующей цѣны. Такіе союзы заключаются молча, со всевозможною тайною, до самой минуты приведенія ихъ въ исполненіе; а когда рабочіе, какъ это иногда случается, уступаютъ безъ сопротивленія, не смотря на то, что хорошо чув-

ствуютъ ударъ и всю жестокость его, то объ этомъ не подымается даже и разговора" *). Хотя это мнѣніе Адама Смита о распространенности стачекъ хозяевъ преувеличено, но въ немъ есть много вѣрнаго. Самое преувеличеніе легко объясняется полемической цѣлью, съ которой написаны вышеприведенныя строки. Указывая на распространенность стачекъ хозяевъ и трудность преслѣдованія ихъ, А. Смитъ старался этимъ доказать необходимость отмѣны уголовныхъ взысканій за стачки рабочихъ, чтобы не лишать ихъ равнаго оружія борьбы и соблюсти справедливость къ обоимъ классамъ.

Замѣчанія А. Смита имѣютъ существенное значеніе для настоящаго времени, и ихъ необходимо имѣть въ виду для правильнаго пониманія *торгово-промышленныхъ* стачекъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, такъ какъ эти по-

*) Изслѣд. о причинахъ и природѣ богатства народовъ Т. I, стр. 193—194.

слѣднія стачки нерѣдко, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, сопровождаются соглашеніями предпринимателей относительно назначенія заработной платы. Разъ между предпринимателями возникла стачка относительно какого-нибудь спеціальнаго условія производства или сбыта, то такого рода соглашенія служатъ базисомъ для дальнѣйшей регламентаціи и регулированія другихъ условій производства, въ томъ числѣ заработной платы *).

3) Стачки потребителей представляютъ явле-

*) Какъ на замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи, можно указать на стачку американскихъ желѣзныхъ дорогъ относительно тарифовъ въ 1877 г., которая сопровождалась пониженіемъ почти на всѣхъ дорогахъ, прекратившихъ конкурренцію, окладовъ жалованья рабочимъ и служащимъ. Эта мѣра вызвала въ свою очередь грандіозную стачку желѣзнодорожныхъ рабочихъ, сопровождавшуюся страшными безпорядками, насиліями и истребленіемъ желѣзнодорожнаго имущества. Стачка принесла американскимъ желѣзнымъ дорогамъ убытку болѣе, нежели на 100 милліоновъ долларовъ.

ніе весьма рѣдкое и исключительное, а потому онѣ оставляются безъ вниманія, какъ законодательствомъ, такъ и наукою.

4) Стачки между представителями либеральныхъ профессій возможны и могутъ имѣть серьезное общественное значеніе; но онѣ въ значительной мѣрѣ парализуются спеціальными регламентами, установленными для важнѣйшихъ профессій этой категоріи, а также болѣе высокимъ умственнымъ и нравственнымъ цензомъ, существующимъ для нихъ, и бо́льшей требовательностью со стороны общества къ лицамъ, посвятившимъ себя общественному служенію на этихъ поприщахъ.

5) Послѣдній видъ стачекъ—*стачки промышленно-торговыя*, анализъ которыхъ составляетъ задачу настоящаго реферата.

Торгово-промышленныя стачки—явленіе не новое, онѣ издавна были предметомъ законодательной регламентаціи, общей и спеціальной; но въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій онѣ приняли новыя формы и получили значи-

тельное развитіе, какъ экстенсивно, такъ и интенсивно. Распространеніе торгово-промышленныхъ стачекъ, извѣстныхъ подъ именемъ конвенцій, картельныхъ договоровъ, синдикатовъ, коалицій и т. п., и усилившееся вліяніе ихъ на экономическую жизнь вызвали болѣе тщательную разработку этого вопроса въ литературѣ. До недавняго времени о торгово-промышленныхъ стачкахъ въ экономической литературѣ вовсе не было спеціальныхъ изслѣдованій; бѣглыя же замѣтки о нихъ можно найти въ экономическихъ словаряхъ, какъ напримѣръ, въ извѣстномъ словарѣ Маккулоха, въ бельгійскомъ Dictionaire universel du commerce 1854 г., въ словарѣ Коклена и Гильомена (статьи Шербюлье и Коклена), въ Dictionnaire de l'administration française Мориса Блока и др. Въ послѣдніе годы торгово-промышленныя стачки, развившіяся преимущественно въ крупной промышленности, стали предметомъ изслѣдованія авторовъ, спеціально занимавшихся изученіемъ этихъ отраслей промышленности и

въ особенности желѣзнодорожнаго дѣла; общій же анализъ этихъ стачекъ сдѣланъ профессоромъ Клейнвехтеромъ въ его книгѣ „Die Kartelle“ (1885 г.) *).

Проф. Клейнвехтеръ называетъ торгово-промышленныя стачки *картелями* и насчитываетъ пять ихъ видовъ: 1) стачки, регулирующія количество производства, 2) цѣну продукта, 3) то и другое вмѣстѣ, 4) распредѣленіе заказовъ или вообще работы между вошедшими въ стачку предпріятіями и, наконецъ, 5) распредѣленіе географическихъ районовъ сбыта продуктовъ или услугъ. Такъ какъ третій видъ представ-

*) Книга Клейнвехтера вызвала въ свою очередь новыя работы, хотя не имѣющія существеннаго значенія. Кромѣ нѣсколькихъ рецензій въ нѣмецкихъ журналахъ, въ Journal des économistes (Fevrier, 1885 г.) напечатана статья инженера Саломона „Les coalitions commerciales“, представляющая краткое извлеченіе изъ книги Клейнвехтера съ критическими замѣчаніями и нѣкоторыми указаніями относительно французскаго законодательства.

ляетъ лишь соединеніе двухъ первыхъ, то остается четыре основныхъ формы, которыя мы и разсмотримъ, воспользовавшись, какъ данными Клейнвехтера, такъ и другими, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніями.

I. *Стачки, регулирующія исключительно количество производства.* Предприниматели извѣстной отрасли промышленности и извѣстнаго района, по соглашенію между собою, опредѣляютъ количество продуктовъ, требующихся въ теченіи года для ихъ района, и раздѣляютъ эту сумму производства между отдѣльными предпріятіями, принимая за масштабъ производительную силу предпріятій или среднее производство въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Въ силу этого соглашенія, каждый предприниматель не можетъ выработать больше назначеннаго ему количества продуктовъ; но ему предоставляется полная свобода относительно цѣны изготовленнаго продукта. Образцомъ такого рода стачекъ можетъ служить договоръ, заключенный 108 углепромышленниками Дорт-

мундскаго горнаго округа на 1881 г. и опубликованный въ „Dortmunder Zeitung“. Эта стачка возникла въ 1879 г., но первоначальная конвенція не извѣстна. Въ 1880 г. дортмундскіе углепромышленники, какъ частные предприниматели, такъ и акціонерныя общества, въ виду пониженія цѣнъ на уголь, рѣшили уменьшить производство его на 5% и въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, установили слѣдующій договоръ:

§ 1. Добыча каменнаго угля для всѣхъ вошедшихъ въ соглашеніе копей на 1881 г. ограничивается размѣрами, опредѣленными въ конвенціи 29 окт. 1879 г., или по количеству угля, проданнаго въ 1880 г.

§ 2. Предпріятія, возникшія послѣ 1879 г. и продолжающія еще организаціонныя работы по устройству копей, могутъ избрать или maximum производства въ 385 тоннъ въ день, какъ въ 1880 г., или размѣръ дѣйствительной эксплуатаціи 1880 г. съ прибавкой 20%, но

во всякомъ случаѣ добыча угля не должна превышать 450 тоннъ въ день.

§ 3. Копи, которыя вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ не успѣли выработать опредѣленной нормы добычи угля, должны подчиниться приговору спеціальной комиссіи, избранной для рѣшенія этого вопроса; до того же времени онѣ должны руководствоваться нормой 1880 г. съ надбавкой 10%.

§ 4. Копи, выработавшія въ 1880 г. менѣе 50000 тоннъ, имѣютъ право въ 1881 г. выработать 50000 тоннъ.

§ 5. Копи, принадлежащія желѣзнодѣлательнымъ заводамъ, имѣютъ право неограниченно удовлетворять потребность въ углѣ этихъ заведеній; а еслибы эта потребность уменьшилась, то остатокъ онѣ могутъ продать постороннимъ лицамъ, сверхъ опредѣленной для нихъ нормы.

§ 6. Копи, присоединившіяся къ конвенціи 1880 г. и желающія принять ее на 1881 г., имѣютъ право пустить въ продажу количество,

равное выработкѣ угля въ 1880 г. съ уменшеніемъ на 5%.

§ 7. Уголь, назначенный для морскаго экспорта, и вывозъ котораго удостовѣренъ коноссаментами, не включается въ опредѣленную конвенціей норму.

§ 8. Основаніемъ для опредѣленія количества угля, которое имѣетъ право продать каждая копь, будутъ служить цифры инспектора дортмундскихъ копей, показанныя при взиманіи налога.

§ 9. Каждая копь, принявшая настоящую конвенцію, обязуется платить штрафъ въ размѣрѣ одной марки за каждую тонну, проданную ею сверхъ назначенной нормы, но этотъ штрафъ не можетъ превышать для одной копи 100000 марокъ.

§ 10. Эти штрафы поступаютъ въ фондъ вспомогательныхъ кассъ для рабочихъ, содержимыхъ копями, подвергнутыми штрафу.

§ 11. Въ случаѣ необходимости увеличенія угля всѣми копями въ теченіе 1881 г., должно

быть созвано собраніе владѣльцевъ копей, участвующихъ въ конвенціи. Въ собраніи должно быть не менѣе $^1/_2$ участниковъ, а рѣшеніе объ увеличеніи выработки можетъ быть постановлено большинствомъ, представляющимъ не менѣе $^3/_4$ количества добычи угля въ 1880 г.

§ 12. Всѣ споры, которые возникнутъ изъ настоящей конвенціи, а въ особенности относительно штрафовъ, рѣшаются не общимъ, а третейскимъ судомъ. Два арбитра выбираются согласно §§ 854 и 855 Сѣверо-Герм. Гражд. Уложенія, а третій назначается президентомъ собранія углепромышленниковъ дортмундскаго округа.

§ 13. Настоящая конвенція имѣетъ силу, если къ ней примкнутъ углепромышленники, представляющіе не менѣе $90^0/_0$ добычи угля 1879 г., невключая сюда казенныхъ копей и копей Оснабрюка.

Это условіе сохраняло свою силу въ 1882, 1883 и 1884 г.; проектъ конвенціи на 1884—85 г.

удвоилъ только штрафъ за выработку сверхъ нормы (2 марки за тонну вмѣсто одной марки).

Ограничиваясь однимъ этимъ образцомъ конвенціи, мы замѣтимъ только, что во многихъ германскихъ городахъ и провинціяхъ производители и торговцы чугуномъ, желѣзомъ, сталью, сахаромъ, пивомъ и пр. вошли въ подобныя же соглашенія. Въ Шотландіи владѣльцы желѣзнодѣлательныхъ заводовъ поступаютъ точно также. Заводчики Клевеленда въ февралѣ 1884 г. постановили прекратить работу на 18 горнахъ изъ 84-хъ, а затѣмъ заключили подробную конвенцію, которой опредѣляется работа каждаго завода.

II. *Стачки, регулирующія исключительно цѣну продукта.* Въ этомъ случаѣ опредѣляется минимальная цѣна, ниже которой промышленникъ или торговецъ не долженъ продавать продукта; но ему предоставляется полная свобода относительно размѣровъ производства и сбыта, а также относительно назначенія цѣнъ выше минимальной. Цѣна установляется или

одинаковая для всѣхъ предпріятій, или отдѣльно для каждаго предпріятія, сообразуясь съ его издержками производства и качествами продукта. Назначеніе минимальной цѣны вызываетъ естественно и ограниченіе размѣровъ производства, ибо цѣны могутъ удержаться на извѣстномъ уровнѣ только подъ условіемъ, чтобы рынокъ не загромождался слишкомъ большимъ количествомъ товара. Стачки этого вида легче организуются, а потому представляютъ едва-ли не наиболѣе распространенную форму торгово-промышленныхъ стачекъ. Онѣ легко примѣняются къ производству, торговлѣ, транспортнымъ и кредитнымъ учрежденіямъ. Вотъ нѣкоторые примѣры. Въ Верх. Силезіи организована стачка заводчиковъ и торговцевъ желѣзомъ, въ силу которой отъ времени до времени силезскіе заводчики и торговцы собираются въ Каттовицѣ и устанавливаютъ цѣны. Точно также поступаютъ французскіе заводчики на съѣздахъ въ Велансьенѣ. Другой интересный примѣръ представляетъ синдикатъ

французскихъ сахарозаводчиковъ-рафинеровъ, регулирующій цѣны сахара. Этотъ синдикатъ, чтобы удержать цѣны, иногда продаетъ сахаръ рафинадъ заграницу по нисшимъ цѣнамъ; и наоборотъ, онъ иногда привозитъ изъ-за границы сахарный песокъ по высокимъ цѣнамъ, чтобы понизить цѣны на песокъ французскій, подлежащій переработкѣ на рафинадныхъ заводахъ. Въ первомъ случаѣ синдикатъ выступаетъ, какъ стачка производителей, во второмъ —какъ стачка потребителей-покупщиковъ.

Къ разсматриваемой формѣ стачекъ нужно отнести также всѣ конвенціи желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ обществъ, страховыхъ компаній и проч., касающіяся опредѣленія цѣны провоза грузовъ и страховой преміи. (Нѣкоторыя подробности см. ниже).

III. *Стачки, которыми устанавливается распредѣленіе работъ между вошедшими въ соглашеніе предпріятіями, по тому или иному масштабу.* Этого рода стачки предполагаютъ извѣстнаго рода центральную организацію

или бюро, которое принимаетъ заказы и распредѣляетъ ихъ между отдѣльными предпріятіями. Распредѣленіе работы можетъ производиться различными способами. Такъ напримѣръ, при заказахъ, которые сдаются съ публичныхъ торговъ или вообще по конкурсу, центральное бюро, руководящее стачкой, заранѣе опредѣляетъ, какому предпринимателю долженъ достаться заказъ, причемъ другіе конкурренты хотя выступаютъ на торги, но предлагаютъ высшія цѣны. Полученный заказъ или раздѣляется центральнымъ бюро между нѣсколькими участниками стачки, или отдается одному изъ нихъ. Въ послѣднемъ случаѣ, еслибы отданный одному предпринимателю заказъ не уравновѣшивался заказами, полученными другими предпринимателями, послѣдніе получаютъ дополнительное вознагражденіе въ той или иной формѣ.

Когда заказы идутъ непосредственно отъ публики, обращающейся къ тому или иному предпринимателю, то, при существованіи стачки,

предприниматель, получившій свою долю заказовъ, обязанъ или отказываться отъ принятія остальныхъ, или назначать высокую цѣну. Если бы заказчикъ согласился на эту цѣну, то полученный на заказѣ излишекъ прибыли отдается другимъ участникамъ стачки, или вообще прибыль ихъ какъ-нибудь уравнивается. Способы этого уравненія прибыли весьма разнообразны. Если картель существуетъ, какъ постоянное явленіе, то эта сложная и трудная операція лежитъ на центральномъ бюро. При распредѣленіи работы принимается во вниманіе размѣръ предпріятій, т. е. большія предпріятія получаютъ больше работы, а меньшія—меньше.

Многочисленныя стачки этого рода, также какъ и послѣдней категоріи, о которой будетъ сказано ниже, мы находимъ въ транспортныхъ предпріятіяхъ, какъ то: между пароходными обществами, между желѣзными дорогами и между тѣми и другими компаніями. Уравненіе производится здѣсь или рас-

предѣленіемъ грузовъ (напр., грузы одного рода передаются на одну, а другаго на другую дорогу, или грузы всѣхъ видовъ поочередно поступаютъ то на одну, то на другую дорогу), или распредѣленіемъ общей суммы прибыли между всѣми участвующими въ соглашеніи дорогами по условной нормѣ.

IV. *Стачки, имѣющія цѣлью размежеваніе географическихъ районовъ дѣятельности* (т. е. производства и сбыта продуктовъ или услугъ) *между участвующими въ соглашеніи предпріятіями*, при чемъ каждое предпріятіе или извѣстныя группы ихъ не должны выходить за предѣлы установленнаго для нихъ района. Эти стачки нормируютъ распредѣленіе рынковъ. Такое соглашеніе существуетъ между эльзасъ-лотарингенскими и остальными нѣмецкими фабрикантами въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности. Когда Эльзасъ и Лотарингія были присоединены къ Германіи, то между промышленниками состоялось соглашеніе остаться при прежнихъ условіяхъ, т. е. эльзасъ

лотарингенскіе фабриканты обязались не конкуррировать въ другихъ германскихъ провинціяхъ съ остальными нѣмецкими фабрикантами; а эти послѣдніе, въ свою очередь, обязались не посылать своихъ произведеній въ Эльзасъ и Лотарингію. Такого же рода стачка, какъ сообщилъ Клейнвехтеру одинъ изъ коммерсантовъ, существуетъ между нѣмецкими, французскими и англійскими фабрикантами зеркальныхъ стеколъ. Нѣкоторое время они вели конкурренцію, стремясь отвоевать рынки другъ у друга, но затѣмъ предпочли раздѣлить ихъ, при чемъ фабриканты каждой страны ограничились своими отечественными рынками. Тождественное соглашеніе предполагалось осуществить (а быть можетъ, оно и осуществлено) между силезскими и бельгійскими цинковыми заводами. Тѣ и другіе заводы имѣли свои спеціальные районы сбыта продуктовъ; но въ нѣкоторыхъ округахъ они конкуррировали и рѣшили покончить эту борьбу конвенціей. Чрезвычайно многочисленны картели относительно

распредѣленія районовъ дѣятельности въ желѣзнодорожныхъ и вообще транспортныхъ предпріятіяхъ. Конкуррирующія желѣзныя дороги раздѣляютъ между собой спорныя станціи и соотвѣтственно этому устанавливаютъ тарифы.

Не всѣ перечисленныя формы стачекъ одинаково легко осуществимы на практикѣ. Самыми простыми и удобопримѣнимыми оказываются стачки, регулирующія цѣны и распредѣленіе рынковъ; сложнѣе—стачки, опредѣляющія размѣры производства, такъ какъ онѣ требуютъ точнаго соображенія размѣровъ предпріятія и строгаго контроля; наконецъ, наиболѣе сложная форма—стачки для распредѣленія заказовъ, такъ какъ онѣ предполагаютъ не только строгое соблюденіе условій, указанныхъ для предыдущей формы, но сверхъ того нуждаются въ постоянно функціонирующей центральной организаціи, требуютъ отчетности каждаго изъ участниковъ стачки передъ остальными и отреченія отъ выгодъ, которыя

можетъ извлечь каждое предпріятіе изъ репутаціи своей фирмы и пріобрѣтенной кліентуры.

Помимо этого различія, вытекающаго изъ самаго существа различныхъ видовъ торгово-промышленныхъ стачекъ, стачки одного и того же типа могутъ имѣть болѣе простую и слабую, или болѣе сложную и сильную организацію. Начиная со спорадическихъ, кратковременныхъ стачекъ (которыя встрѣчаются на каждомъ шагу, напр. при торгахъ, подрядахъ и поставкахъ, гдѣ онѣ оканчиваются уплатой „отступнаго“ за отказъ отъ конкурренціи; въ торговлѣ—для назначенія цѣны на извѣстный моментъ, напримѣръ, на одинъ рыночный день),—можно прослѣдить формы все болѣе и болѣе сложныя и совершенныя. Эти развитыя формы стачекъ являются въ видѣ организованныхъ союзовъ, расчитанныхъ на продолжительное время; въ основаніи ихъ дѣйствій положены хорошо обдуманныя, сложныя конвенціи, а управленіе передано въ руки спеціальныхъ и постоянно функціони-

рующихъ бюро и синдикатовъ. При такихъ сложныхъ отношеніяхъ конвенціи обнимаютъ нерѣдко многія стороны дѣла и соединяютъ одновременно всѣ или нѣсколько перечисленныхъ формъ стачекъ.

Одною изъ наиболѣе интересныхъ и въ то же время наиболѣе важныхъ стачекъ должно признать стачку русскихъ страховыхъ обществъ. Время возникновенія этой стачки и составленія такъ называемой „конвенціи общаго тарифа“ мнѣ съ точностью не извѣстно; но приблизительно можно сказать, что соглашеніе между страховыми компаніями относительно прекращенія конкурренціи послѣдовало въ концѣ 70-хъ годовъ, „конвенція“ же разрабатывалась постепенно и разрабатывается до настоящаго времени, охватывая одну за другой разныя стороны страховаго дѣла. Ежегодно для этой цѣли представители страховыхъ обществъ собираются въ Петербургѣ или въ Москвѣ на негласные съѣзды, которые и постановляютъ рѣшенія, обязательныя для всѣхъ участниковъ

стачки т. е. въ настоящее время для всѣхъ страховыхъ компаній. Такихъ съѣздовъ было, извѣстныхъ мнѣ: въ 1882 г. три (съ 5 по 9 января, съ 21 по 27 сентября и съ 9 по 11 ноября), въ 1883 г.—одинъ (съ 14 по 19 ноября) и въ 1884 г.—одинъ (съ 30 апрѣля по 4 мая). Первоначальная цѣль стачки страховыхъ компаній состояла въ прекращеніи взаимной конкурренціи, которая, вслѣдствіе возникновенія въ 60 и 70-хъ годахъ новыхъ страховыхъ компаній, понизила ихъ доходы и даже довела нѣкоторыя компаніи до убытковъ. Цѣль эта была вполнѣ достигнута, такъ какъ къ стачкѣ примкнули всѣ компаніи, существовавшія въ то время, а затѣмъ и новыя (какъ напр. Балтійское Страховое Общество). Прямымъ послѣдствіемъ стачки было немедленное возвышеніе страховой преміи по новому *общему* для всѣхъ компаній тарифу. Кромѣ этого общаго поднятія страховой преміи, дѣлались въ разное время спеціальныя надбавки для различныхъ видовъ страхуемыхъ имуществъ и

пересмотры „общаго тарифа“. Такъ на съѣздѣ представителей страховыхъ обществъ въ январѣ 1882 г. постановлено было для страхованія движимости въ городахъ возвысить страховую премію отъ 20 до 30%, а для сельской движимости—на 20%. Затѣмъ въ сентябрѣ того же 1882 г. „вслѣдствіе якобы весьма значительныхъ убытковъ, понесенныхъ русскими страховыми обществами и находящимися съ ними въ сношеніяхъ обществами перестрахованія“, „на общемъ собраніи представителей, принадлежащихъ къ общему тарифу страховыхъ обществъ, признана настоятельность обширнаго возвышенія премій“, а потому постановлено: по тарифу для городовъ Россійской Имперіи взимать премію съ надбавкой отъ 30 до 60% для различныхъ видовъ имущества, подробно исчисленныхъ въ конвенціи; по сельскохозяйственному тарифу введена надбавка отъ 20 до 50%; по тарифу для страхованія фабрикъ и заводовъ—надбавка отъ 30 до 50%. Наравнѣ съ этими круп-

ными возвышеніями страховой преміи, легшими тяжкимъ бременемъ на страхователей, вводятся нѣкоторыя новыя стѣснительныя правила. Такъ для лѣсопиленъ и складовъ древесныхъ матеріаловъ при нихъ постановлено оставлять $^1/_4$ часть страховой стоимости на рискъ страхователя, при чемъ въ страховой полисъ включалась слѣдующая оговорка: „Въ случаѣ пожара, опредѣленная согласно полисовымъ условіямъ цифра убытка, падаетъ въ одной четверти на долю страхователя, а въ трехъ четвертяхъ, но не свыше, на долю страховаго общества“.

Чрезмѣрная высота страховыхъ премій, бывшая результатомъ стачки страховыхъ акціонерныхъ компаній, вызвала болѣе энергическія усилія къ развитію земскаго страхованія и обществъ взаимнаго страхованія въ городахъ. Коалиція страховыхъ компаній тотчасъ же объявляетъ новому сопернику войну, которая съ большимъ успѣхомъ для компаній ведется до настоящаго времени и сильно

тормозитъ развитіе взаимнаго страхованія. Дѣло въ томъ, что для обществъ взаимнаго страхованія всегда оказывается труднымъ начало ихъ дѣятельности, вслѣдствіе отсутствія основнаго капитала, гарантирующаго пожарные убытки. Это обстоятельство вынуждаетъ на первыхъ порахъ общества взаимнаго страхованія прибѣгать къ перестраховкамъ въ акціонерныхъ компаніяхъ. Съ другой стороны, общества взаим. страхованія не въ состояніи въ первые годы своей дѣятельности значительно понижать преміи, хотя по истеченіи нѣкотораго времени они даже совершенно освобождаютъ страхователей отъ страховыхъ взносовъ.

Коалиція акціонерныхъ компаній воспользовалась этими обѣими слабыми сторонами обществъ взаимнаго страхованія. Удерживая повсемѣстно высокія страховыя преміи, стакнувшіяся компаніи понижаютъ ихъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ открываются общества взаимнаго страхованія. Такъ по постановленію

съѣзда представителей компаній „общаго тарифа“ съ 1883 г. понижаются преміи въ Одессѣ, Воронежѣ, Екатеринославлѣ, Калугѣ, Новгородѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

На томъ же съѣздѣ агентамъ всѣхъ страховыхъ компаній запрещено принимать дополнительное страхованіе имуществъ, застрахованныхъ въ земскомъ страхованіи. „Совмѣстное съ земствомъ страхованіе, говорится въ циркулярѣ агентамъ страховыхъ обществъ, допускается лишь въ томъ случаѣ, когда на страхъ земства отдаются только тѣ нормальныя суммы, которыя установлены по обязательному страхованію“ (т. е. крестьянскія постройки). На слѣдующемъ съѣздѣ (7—11 ноября) это постановленіе расширяется: „существующее запрещеніе принимать на дополнительный страхъ имущества, застрахованныя въ земствѣ (по добровольному страхованію), нынѣ распространяется и на имущества, застрахованныя *въ городскихъ и иныхъ взаимныхъ страховыхъ учрежденіяхъ*“. Въ примѣчаніи къ этому пункту

пояснено: „понятіе *совмѣстнаго страхованія* ограничивается однимъ только предметомъ или строеніемъ“. Это примѣчаніе давало возможность страхователямъ застраховывать въ одной и той же усадьбѣ одни строенія въ страховыхъ акціонерныхъ компаніяхъ, а другія въ земскомъ или городскомъ взаимномъ страхованіи. Коалиція страховыхъ компаній признала нужнымъ закрыть и этотъ путь, принявъ на съѣздѣ въ С.-Петербургѣ (съ 30 апрѣля по 4 мая 1884 г.) слѣдующее рѣшеніе: „за исключеніемъ С.-Петербурга, Тулы, Харькова, Одессы, Полтавы и Вологды, для коихъ участіе въ страхованіи, совмѣстно съ городскими учрежденіями взаимнаго страхованія, отмѣняется, для всѣхъ прочихъ городовъ постановляется, что не только то отдѣльное строеніе, которое частью застраховано въ обществѣ взаимнаго страхованія, но также и всѣ прочія строенія того дворового мѣста не должны быть принимаемы на страхъ акціонерными обществами“ *).

*) Всѣ вышеприведенныя постановленія съѣз-

Вышеизложенныя мѣры страховыхъ компаній до крайности затруднили возникновеніе и развитіе дѣятельности обществъ взаимнаго страхованія, и если эти послѣднія общества учреждаются и съ огромными препятствіями пролагаютъ себѣ путь, то исключительно благодаря настоятельной необходимости въ нихъ и дороговизнѣ акціонернаго страхованія.

Практическое значеніе торгово-промышленныхъ стачекъ зависитъ отъ степени ихъ распространенности и силы. На этотъ счетъ въ экономической литературѣ существуетъ два мнѣнія. По одному изъ нихъ стачки составляютъ сравнительно рѣдкое, исключительное и преходящее явленіе, если законодательство не под-

---

довъ представителей акціонерныхъ страховыхъ компаній заимствованы изъ циркуляровъ, препровождаемыхъ правленіями компаній для руководства страховымъ агентамъ. Циркуляры эти печатаются, хотя, конечно, не для всеобщаго свѣдѣнія.

держиваетъ ихъ искусственно, покровительствуя развитію монополіи; по другому—стачки обладаютъ значительной жизненной силой, и ихъ нѣтъ основанія считать явленіемъ исключительнымъ. Представителемъ перваго взгляда является Кокленъ. „Экономическіе законы, регулирующіе подъ вліяніемъ конкурренціи размѣры заработей платы, прибыли и цѣну товаровъ и услугъ“, говоритъ Кокленъ, „столь строги и непоколебимы, что произвольныя соглашенія заинтересованныхъ сторонъ не въ силахъ ихъ измѣнить или устранить. Отношеніе между спросомъ и предложеніемъ, какъ верховный законъ, опредѣляетъ текущія цѣны всего, что продается и покупается; ни стачки хозяевъ, ни стачки рабочихъ не въ состояніи здѣсь ничего сдѣлать. Если предложеніе на рынкѣ увеличивается безъ соотвѣтственнаго увеличенія спроса, цѣны падаютъ; наоборотъ, когда предложеніе уменьшается, цѣны возвышаются, и никакая искусственная комбинація не можетъ помѣшать этимъ движеніямъ. Если

коалиціи разстраиваютъ иногда дѣйствіе этихъ естественныхъ законовъ, то это бываетъ только въ исключительныхъ случаяхъ или на весьма короткое время. Напримѣръ, если промышленность закрыта для конкурренціи, если она доступна только незначительному числу предпринимателей, то эти предприниматели, войдя въ соглашеніе, могутъ возвысить цѣны своихъ товаровъ выше нормальнаго уровня; но въ этихъ случаяхъ чрезмѣрное возвышеніе цѣнъ есть не столько результатъ соглашенія, сколько послѣдствіе монополіи, естественной или искусственной, которою пользуются предприниматели. Понятно также, что при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ, напр., въ извѣстный рыночный день или при публичной продажѣ, продавцы или покупщики могутъ, войдя въ соглашеніе, остановить естественный ходъ вещей на извѣстный моментъ; но это только случайное явленіе, преходящая неожиданность, которая тотчасъ же исчезаетъ, какъ только получившіе о ней свѣдѣніе

конкурренты успѣваютъ вмѣшаться въ дѣло“ *).

Это мнѣніе варьировалось съ незначительными отступленіями большинствомъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ экономистовъ. Его придерживается и Саломонъ въ своей статьѣ о коммерческихъ стачкахъ, написанной по поводу книги проф. Клейнвехтера. Не отвергая существующей тенденціи къ образованію промышленно-торговыхъ коалицій, онъ не придаетъ имъ серьезнаго значенія, такъ какъ считаетъ ихъ или безсильными противъ конкурренціи, или недолговѣчными, вслѣдствіе трудности организаціи и контроля. По его мнѣнію, удачныя коалиціи составляютъ лишь рѣдкое исключеніе, какъ напримѣръ, синдикатъ французскихъ сахарныхъ рафинеровъ. Успѣшныя стачки, говоритъ Саломонъ, возможны или при весьма незначительномъ числѣ предпринимателей, или при искусствен-

*) Dictionnaire de l'économie politique, p. 365.

ной монополіи; но такъ какъ эти условія рѣдко существуютъ, то и коалиціи рѣдко удаются. Большая часть коалицій погибаетъ вслѣдствіе неисполненія обязательствъ, принятыхъ на себя членами. Одни изъ нихъ нарушаютъ договоръ и производятъ тайно операціи, чтобы избѣжать уплаты штрафовъ, другіе выходятъ изъ коалиціи, какъ только она оказывается для нихъ невыгодной, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. Если находятся такіе, которые уплачиваютъ установленные конвенціей штрафы, то лишь потому, что они надѣются извлечь изъ коалиціи какія-нибудь выгоды.

Какъ бы ни былъ бдителенъ контроль, продолжаетъ авторъ, какими бы точными данными относительно размѣровъ производства или цѣнъ онъ не обладалъ, этотъ контроль въ большинствѣ случаевъ оказывается неспособнымъ предупредить и услѣдить обходы, создаваемые духомъ корысти. Въ Германіи тираническія и абсурдныя коалиціи, въ которыхъ, казалось, воскресли старыя цеховыя корпораціи, стѣсняли только

честныхъ и искусныхъ промышленниковъ. Родившись въ минуту кризиса, подъ вліяніемъ превратныхъ экономическихъ идей, онѣ мало по малу исчезаютъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ авторъ, фабрикантъ, поставленный въ хорошія условія производства, согласится надолго по собственной волѣ ограничить свое производство и сбытъ. откажется отъ усовершенствованій своего промысла, раскроетъ своимъ вчерашнимъ и, по всей вѣроятности, завтрашнимъ конкуррентамъ условія своей работы и торговли? Какъ бы ни было выгодно и пріятно производителямъ составить лигу противъ потребителей, какъ общаго ихъ врага, для нихъ еще выгоднѣе сохранить свою независимость, еще пріятнѣе побѣдить конкурента и отнять у него кліентелу. Между фабрикантами или торговцами однимъ и тѣмъ же товаромъ существуютъ весьма живая ревность и недоброжелательство. Если случайно имъ удается объединить противуположные интересы, то уже завтра они начнутъ подозрѣвать

другъ друга, находить несправедливыми условія, принятыя наканунѣ, и съ ожесточеніемъ бороться за шкуру потребителя, которую они не могли подѣлить сообща. Они не ожидаютъ даже счастливыхъ дней раздѣла добычи: большинство коалицій взлетаютъ на воздухъ, какъ только дѣла приходятъ въ упадокъ, въ моменты столь же трудные, какъ тѣ, которые вызвали ихъ къ жизни. Это естественный порядокъ вещей, заключаетъ свои разсужденія авторъ. Если нужда заставляетъ людей входить въ коалицію, то еще энергичнѣе она толкаетъ ихъ къ конкурренціи, къ борьбѣ. Союзъ есть исключеніе, борьба — общее правило; она неизбѣжна между людьми одной и той же профессіи и необходима для человѣчества. Всѣ тѣ, кто пытается ее уничтожить, дѣлаютъ тщетныя усилія. Изъ многочисленныхъ германскихъ коалицій удержалась до сихъ поръ только коалиція сталерельсовыхъ заводовъ. Но и она пала-бы, какъ другія,

еслибы не поддерживалась преміями германскаго правительства рельсовымъ заводамъ *).

Изложенное воззрѣніе опирается на презумпцію о всемогуществѣ конкурренціи, какъ силы, регулирующей экономическія отношенія, изъ подъ вліянія которой ускользаютъ лишь немногія сдѣлки, совершающіяся при исключительныхъ условіяхъ. Другое мнѣніе не придаетъ конкурренціи столь абсолютнаго значенія. Мы видѣли, что уже А. Смитъ значительно ограничивалъ вліяніе конкурренціи между хозяевами при наймѣ рабочихъ и считалъ въ этой области отношеній господствующимъ явленіемъ не конкурренцію, а „молчаливую стачку“. Съ оговорками принимаетъ теорію конкурренціи и Дж. Ст. Милль, противополагающій соперничеству, съ одной стороны, обычай, а съ другой—стачку. Вопросъ о вліяніи обычая на установленіе цѣнъ и распредѣленіе доходовъ обстоятельно разсмот-

*) Journ. des Econ. 1885, № 2, pp. 186—188.

рѣнъ Дж. Ст. Миллемъ; о стачкахъ онъ упоминаетъ мимоходомъ, хотя мнѣніе его довольно характерно. Указавъ, что соперничество вовсе не имѣетъ вліянія на опредѣленіе величины ренты, Дж. Ст. Милль продолжаетъ: „раньше ренты подверглись вліянію соперничества цѣны тамъ, гдѣ нѣтъ монополій, и дѣйствіе соперничества на цѣны имѣетъ гораздо меньше исключеній, чѣмъ его дѣйствіе на ренты; но и тутъ, даже и при нынѣшней своей дѣятельности, торговое соперничество не имѣетъ такого безусловнаго вліянія, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели. Оптовая торговля по главнымъ товарамъ, дѣйствительно, находится подъ владычествомъ соперничества: тутъ и покупщики, и продавцы, купцы или фабриканты въ своихъ поступкахъ руководятся не безрасчетностью или суетностью, а коммерческимъ расчетомъ..... Но въ розничной торговлѣ, гдѣ покупщикомъ бываетъ человѣкъ, дѣйствительно потребляющій вещь, цѣна очень медленно и не вполнѣ подчиняется дѣйствію

соперничества; даже тамъ, гдѣ соперничество существуетъ, результатомъ его часто бываетъ не пониженіе цѣнъ, а только раздѣленіе прибыли отъ высокой цѣны между бо́льшимъ числомъ торговцевъ..... Правда, если рынкомъ бываетъ большой городъ, въ которомъ занятіе розничной торговлей обѣщаетъ достаточную выгоду большимъ капиталистамъ, то вообще они найдутъ выгоднымъ для себя расширить свои обороты, подорвавъ другихъ торговцевъ пониженіемъ цѣны, не довольствуясь тѣмъ, чтобы дѣлиться съ ними полемъ оборотовъ..... Но до сихъ поръ только въ большихъ торговыхъ центрахъ розничныя цѣны вполнѣ или хотя въ значительной степени опредѣляются соперничествомъ. Въ другихъ мѣстахъ оно или вовсе не дѣйствуетъ, или обнаруживаетъ свое дѣйствіе только временнымъ колебаніемъ цѣнъ; обыкновенной силой, ихъ опредѣляющей, остается обычай, по временамъ видоизмѣняемый существующими въ умахъ покупателей и продавцовъ понятіями о какой то справедливости

или сходности цѣны". „Во многихъ отрасляхъ торговли условія продажи опредѣляются формальнымъ соглашеніемъ между торговцами, общество которыхъ всегда имѣетъ средства сдѣлать затруднительнымъ или непріятнымъ положеніе каждаго изъ членовъ этой корпораціи, отступающаго отъ положенныхъ правилъ. Извѣстно, что до недавняго времени книжная торговля находилась въ такомъ положеніи, и что, не смотря на дѣятельное соревнованіе въ ней, соперничество не производило своего натуральнаго дѣйствія, не разрушало положенныхъ торговцами цѣнъ..... Эти замѣчанія должны считаться общими оговорками ко всѣмъ выводамъ, которые будутъ изложены въ слѣдующихъ частяхъ нашего трактата, касающихся до дѣйствій соперничества: всѣ выводы о немъ подлежатъ этимъ оговоркамъ, хотя бы мы гдѣ-нибудь и не упомянули о томъ прямо" *).

---

*) Милль. Основ. политич. экономіи Т. I; стр. 293—294, 295.

Болѣе подробно высказыются о стачкахъ, и притомъ стачкахъ торгово-промышленныхъ, проф. Клейнвехтеръ и Густавъ Конъ. Стачки (картели), говоритъ проф. Клейнвехтеръ, существуютъ въ настоящее время во всевозможныхъ отрасляхъ промышленности. Извѣстны картели въ различныхъ видахъ желѣзной промышленности, картели углепромышленниковъ, желѣзнодорожныя, банковыя, театральныхъ антрепренеровъ, пивоваровъ, бумажныхъ фабрикантовъ, стекляныхъ заводчиковъ, ткацкихъ фабрикантовъ, динамитныхъ заводчиковъ и пр. Едва ли можно найти хотя одну отрасль крупной промышленности, въ которой не было-бы картелей *).

Такого же мнѣнія держится Густавъ Конъ, который ставитъ вопросъ еще шире, признавая огромное распространеніе и вліяніе стачекъ не только въ крупныхъ, но и въ мелкихъ производствахъ. Относительно крупной промы-

*) Die kartelle, стр. 137.

шленности въ Англіи онъ ссылается, между прочимъ, на показанія спеціалистовъ передъ парламентской желѣзнодорожной коммиссіей 1865 г.

Директоръ желѣзнодорожной компаніи Great Western, м-ръ Grieston, напр. заявилъ:

„Владѣльцы желѣзныхъ заводовъ, точно также какъ солепромышленники, имѣютъ правильныя собранія, на которыхъ они устанавливаютъ цѣны своихъ продуктовъ. То же дѣлаютъ и многіе другіе промышленники“.

Свидѣтель Mulvany передъ той же коммиссіей показывалъ, что бельгійскіе углепромышленники устроили коалицію, чтобы поддержать высокія цѣны на каменный уголь.

Въ отчетѣ коммиссіи, наряженной въ 1873 г. англійскимъ парламентомъ для изслѣдованія вопроса о цѣнѣ каменнаго угля, между прочимъ, говорится: „Каменноугольное производство находится въ немногихъ рукахъ, а владѣльцы копей не зависятъ отъ иностранной конкурренціи. При такомъ положеніи имъ

легко по взаимному соглашенію поднять цѣны угля во всей странѣ".

Параллельно съ этими фактами, касающимися крупной промышленности, и многочисленными фактами относительно желѣзнодорожныхъ компаній, каналовъ и пароходныхъ обществъ, гдѣ конкурренція составляетъ дѣйствительно исключеніе, Густ. Конъ приводитъ нѣсколько интересныхъ примѣровъ, касающихся мелкой промышленности.

„Я былъ пораженъ, говоритъ онъ, замѣтивъ лѣтомъ 1873 г. въ Лондонѣ, что цѣны фруктовъ въ самыхъ отдаленныхъ одна отъ другой улицахъ, въ Hide Park'ѣ и High Holbarn'ѣ, въ одни и тѣ же дни поднимались и падали въ одинаковой пропорціи. Очевидно, это явленіе не можетъ быть объяснено конкурренціей продавцовъ. Многократно, продолжаетъ авторъ, при изслѣдованіи городскихъ промысловъ, производимомъ безъ предвзятой мысли, а именно при изслѣдованіи пекарнаго и мяснаго промысловъ, было доказано, что между

промышленниками существуетъ общее подразумѣваемое соглашеніе. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ. Въ Тюбингенѣ, имѣющемъ 8—9 т. жителей, цѣны убойнаго скота и мяса у мясниковъ въ теченіе весны 1873 г. постоянно возвышались и достигли 24 кр. за фунтъ лучшаго и 20 кр. за фунтъ худшаго мяса. Съ весны 1873 г. по іюль 1874 цѣны на убойный скотъ пали до 30—50%, между тѣмъ какъ цѣны на мясо понизились всего на 2 кр. за фунтъ. Число тюбингенскихъ мясныхъ торговцовъ хотя достигаетъ 50, но не подлежитъ сомнѣнію, что они сообща назначаютъ цѣны. То же дѣлаютъ булочники, число которыхъ еще больше *). При такомъ разнообразіи фактовъ,

*) Осенью прошлаго года въ берлинской „Norddeutsche Allgem. Zeitung“ была помѣщена цѣлая серія крайне интересныхъ статей о несовпаденіи цѣнъ на печеный хлѣбъ и мясо съ колебаніями цѣнъ на муку и скотъ на нѣмецкихъ рынкахъ. Къ сожалѣнію, я не имѣю подъ рукою этихъ статей.

взятыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей хозяйственной жизни, нѣтъ основаній предполагать, говоритъ проф. Конъ, что это только исключенія. Напротивъ, необходимо подробно изслѣдовать факты, что бы рѣшить, что слѣдуетъ считать правиломъ, и что исключеніемъ. Теорія свободной конкурренціи построена на предположеніи, что собственная выгода каждаго продавца побуждаетъ его при конкурренціи, въ видахъ расширенія сбыта своихъ продуктовъ, понижать цѣны до тѣхъ поръ, пока онъ не дойдетъ до минимума обычной прибыли. Но столь же вѣроятно и другое предположеніе, а именно, что продавцы (или покупщики) входятъ въ соглашеніе между собою, чтобы не портить цѣнъ. Возможность послѣдняго способа дѣйствій возметъ перевѣсъ, если число конкуррентовъ не велико, приливъ новыхъ покупателей затрудненъ (вслѣдствіе новизны предпріятія, необходимости обладать значительнымъ капиталомъ, знаніями и пр.), а промышленность по самому характеру имѣетъ наклонность къ

концентраціи въ немногихъ рукахъ. Полное приложеніе законъ конкурренціи имѣетъ, по мнѣнію Кона, только въ торговлѣ процентными бумагами на фондовыхъ биржахъ *).

Изъ изложеннаго видно, что относительно значенія торгово-промышленныхъ стачекъ существуютъ два противуположныхъ взгляда: представители одного изъ нихъ придаютъ этому явленію весьма важное значеніе, представители же другаго относятся къ стачкамъ весьма скептически. Мы лично скорѣе согласны со вторымъ воззрѣніемъ и вотъ почему.

Въ современной промышленности крупныя предпріятія играютъ большую роль и при томъ въ важнѣйшихъ отрасляхъ экономической дѣятельности. Въ горномъ дѣлѣ, въ особенности въ двухъ важнѣйшихъ вѣтвяхъ его—каменноугольной и желѣзной промышленности, въ обрабатывающей промышленности—желѣзной и

*) G. Kohn. Zur Beurtheilung der Englischen Eisenbahnpolitik, ст 371—385.

стальной, хлопчато-бумажной, шерстяной, сахарной и др., въ кредитѣ, транспортѣ (желѣзнодорожное дѣло и паровое судоходство), въ страхованіи, въ газовомъ освѣщеніи и водопроводномъ дѣлѣ—вездѣ мы видимъ огромныя предпріятія или въ формѣ большихъ частныхъ фирмъ, или, еще чаще, въ формѣ акціонерныхъ компаній. Возникая вслѣдствіе различныхъ условій и выгодъ, доставляемыхъ крупнымъ производствомъ, большія предпріятія нашли въ акціонерныхъ компаніяхъ пригодную для себя форму, дающую имъ возможность расширяться до немыслимыхъ прежде колоссальныхъ размѣровъ. Теперь вовсе не рѣдкость акціонерныя компаніи, исчисляющія свои капиталы, обороты и доходы десятками милліоновъ рублей, а иногда даже сотнями. Эти гиганты промышленности иногда вступаютъ между собой въ борьбу, но еще чаще они приходятъ къ убѣжденію въ трудности и раззорительности такой борьбы и потому миролюбиво раздѣляютъ добычу. Это не предположеніе, а фактъ, столь

же достовѣрный, какъ и многознаменательный. Гладстонъ въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей сказалъ, что конкурренція между англійскими желѣзными дорогами похожа на ссоры влюбленныхъ: минутная вспышка и вѣчная любовь. Это можно, съ большимъ или меньшимъ основаніемъ, сказать не объ однихъ англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ и не объ однихъ желѣзныхъ дорогахъ вообще.

Кромѣ вышеприведенныхъ данныхъ о стачкахъ углепромышленниковъ въ Германіи, Бельгіи, Англіи, о стачкахъ французскихъ рафинеровъ, германскихъ и англійскихъ желѣзныхъ заводчиковъ и проч., есть полное основаніе думать, что при дальнѣйшемъ изслѣдованіи вопроса будетъ обнаружено множество торгово-промышленныхъ стачекъ, на которыя до настоящаго времени не обращали вниманія.

Хотя замѣчаніе Коклена, что стачка удается при ограниченномъ числѣ предпринимателей и трудности появленія новыхъ конкуррентовъ, справедливо, но не вѣрно мнѣніе, что это усло-

віе встрѣчается рѣдко. Напротивъ, оно имѣетъ мѣсто весьма часто, потому что новому предпріятію не легко возникнуть, если требуется большой капиталъ, а еще труднѣе ему вести борьбу со старыми, окрѣпшими и дѣйствующими соединенными силами предпріятіями.

Въ смѣшанныхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ, на ряду съ крупными предпріятіями, дѣйствуютъ среднія и малыя, даже значительное число предпринимателей не всегда препятствуетъ стачкѣ, потому что тонъ задаютъ крупныя фирмы, и если онѣ вошли въ соглашеніе, то мелкія по необходимости слѣдуютъ за ними, не рискуя вступать въ борьбу и предпочитая пользоваться выгодами коаліціи, вѣрнѣе обезпечивающей ихъ существованіе.

Но этого мало: иногда крупныя предпріятія извѣстной отрасли промышленности оказываютъ вліяніе не только на другія предпріятія той же промышленности, но и на предпріятія другихъ отраслей производства и торговли. Такъ

напр., желѣзныя дороги содѣйствовали концентраціи судоходства, сліянію его въ огромныя пароходныя общества и коалиціи этихъ обществъ съ желѣзнодорожными компаніями. Другой еще болѣе замѣчательный примѣръ представляетъ концентрація и сліяніе съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ каменноугольнаго производства и торговли въ Англіи и Сѣв. Америкѣ. Это явленіе блестяще анализовано Г. Кономъ.

Но торгово-промышленныя стачки не ограничиваются крупной промышленностью, хотя послѣдняя служитъ наиболѣе видной ареной ихъ дѣятельности. Въ мелкой промышленности, при ограниченномъ числѣ предпринимателей и ограниченномъ сбытѣ (напр., въ маленькихъ городахъ) коалиціи мелкихъ промышленниковъ могутъ организоваться съ такимъ же успѣхомъ, какъ и стачки крупныхъ предпринимателей. Эти коалиціи не имѣютъ сложныхъ и развитыхъ формъ, онѣ проще по своей конструкціи, иногда тутъ дѣйствуетъ зачаточная форма стачки, опирающейся на молча-

ливое соглашеніе; но эта простота не мѣшаетъ иногда ни прочности, ни долговѣчности подобныхъ коалицій. Конечно, указанное правило не имѣетъ абсолютнаго характера въ томъ смыслѣ, что иногда въ мелкой и средней промышленности мы встрѣчаемся съ формами коалиціи вполнѣ развитыми. Такова, напримѣръ, обнаруженная на дняхъ стачка кіевскихъ владѣльцевъ дрождевыхъ заводовъ. Организація ея съ точностью неизвѣстна; извѣстно однако, что заводчики не только устанавливаютъ по соглашенію цѣны, но имѣютъ даже центральную общую контору, распоряжающуюся заказами и сбытомъ продуктовъ. Стачку они желали закрѣпить формальнымъ договоромъ, но кіевскіе натаріусы отказались отъ совершенія этой сдѣлки, имѣя въ виду 913 и 1180 ст. Уложенія о наказаніяхъ.

Въ виду многочисленныхъ извѣстныхъ уже нынѣ фактовъ о торгово-промышленныхъ стачкахъ, возраженія въ родѣ того, что стремленіе къ конкурренціи сильнѣе стремленія къ коали-

ціи, что соглашеніе предпринимателей есть исключеніе, а борьба—общее правило и т. п., представляются малоубѣдительными фразами.

Принимая во вниманіе значительное распространеніе торгово-промышленныхъ стачекъ и серьезное вліяніе ихъ на экономическую жизнь, необходимо опредѣлить, какого рода это вліяніе, т. е. полезно оно или вредно съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, такъ какъ отъ того или иного рѣшенія этого вопроса зависитъ и отношеніе къ стачкамъ законодательства.

Большинство экономистовъ, какъ извѣстно, считаетъ главнымъ рычагомъ экономической дѣятельности личный интересъ, а естественнымъ регуляторомъ односторонніхъ и противуположныхъ личныхъ интересовъ—конкурренцію, исходящую изъ того же личнаго интереса, но ограничивающую его и заставляющую служить общественному благу. Такимъ образомъ

по этому воззрѣнію вся экономическая организація представляется въ образѣ само-регулирующагося механизма или организма, смотря по тому, принимается-ли въ основаніе механическая или органическая теорія общества вообще и дѣятельности экономическихъ силъ въ частности.

Понятно, что исходя изъ этого воззрѣнія, экономисты выступили противниками всякой привиллегіи и монополіи, которая ограничивала конкурренцію, и рекомендовали возможно полное развитіе послѣдней. На этомъ положеніи была построена критика цеховой системы, критика старыхъ монопольныхъ привиллегированныхъ компаній, получившихъ значительное развитіе въ XVIII вѣкѣ, критика ограниченій относительно внутренней и международной торговли и пр. Во всѣхъ сферахъ дѣятельности экономисты требовали свободы, какъ необходимаго условія для полнаго примѣненія принципа личнаго интереса и развитія благодѣтельной конкурренціи. Нѣкоторые пред-

ставители этого направленія, въ погонѣ за экономической свободой, впадали даже въ грубое противорѣчіе: они допускали всякую свободу за исключеніемъ свободы входить въ союзы и коалиціи, хотя, безспорно, это одна изъ существенныхъ принадлежностей свободы. Таковы были, напр., воззрѣнія Тюрго и дѣятелей первой французской революціи. Тюрго желалъ запретить всякіе промышленные союзы; а во время революціи было издано множество законовъ противъ стачекъ торговцевъ съѣстными припасами, изъ которыхъ чуть не каждый грозилъ гильотиной. Позднѣйшіе писатели школы А. Смита устранили это противорѣчіе. Ратуя противъ юридическихъ монополій и требуя ихъ уничтоженія, они признали свободу всякихъ союзовъ, въ томъ числѣ и стачекъ. Въ принципѣ они, конечно, были противниками стачекъ, но противодѣйствія противъ нихъ искали въ той же свободѣ и конкурренціи, при чемъ, какъ уже сказано выше, большинство представителей этой школы счи-

тали стачки неопасными, полагая, что онѣ должны сами собою погибнуть, вслѣдствіе внутренняго безсилія и разъѣдающаго вліянія конкурренціи.

Этотъ взглядъ о вредѣ стачекъ и создаваемыхъ ими монополій остается господствующимъ и нынѣ, но параллельно съ нимъ явилось новое воззрѣніе, діаметрально противуположное. Представителемъ его выступилъ проф. Клейнвехтеръ.

Всякое народное хозяйство, говоритъ Клейнвехтеръ, для того, чтобы правильно функціонировать, должно имѣть извѣстную правильную организацію, которая устанавливала-бы надлежащее отношеніе между потребностями общества и дѣятельностью, направленною на ихъ удовлетвореніе, или, говоря иначе, между потребленіемъ и производствомъ. Въ средніе вѣка существовала такая организація, въ формѣ цеховъ, которая и регулировала промышленность. Съ уничтоженіемъ средневѣковой организаціи она не была замѣнена никакой

другой, вслѣдствіе чего народное хозяйство пришло въ хаотическое состояніе. Соціалисты приписывали такое положеніе вещей собственности; но это—ошибка. Причина соціальныхъ бѣдствій и сущность соціальнаго вопроса заключается не въ институтѣ собственности, а въ отсутствіи экономической организаціи, приводящемъ къ анархическому состоянію народнаго хозяйства. Эту анархію можетъ устранить не коллективная собственность, какъ предлагали коммунисты, а регулированіе народнаго хозяйства, долженствующее установить соотвѣтствіе между различными отраслями производства и потребностью въ нихъ. Я полагаю, говоритъ авторъ, что стачки (картели), которыя имѣютъ цѣлью внести порядокъ въ хозяйственный хаосъ и установить соразмѣрность между производствомъ и потребностями, должны быть для настоящаго и ближайшаго будущаго тѣмъ же, чѣмъ были средневѣковые цехи для своего времени *).

*) Die Kartelle Vorwort, стр. V—VI.

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ резюмируетъ свои основныя положенія въ слѣдующихъ словахъ: „Картели, говоритъ онъ, преслѣдуютъ двойную цѣль: съ одной стороны, онѣ имѣютъ въ виду установить соотвѣтствіе между всей совокупностью производства и потребностями, т. е. стремятся, чтобы въ цѣломъ производилось не больше и не меньше, нежели сколько требуетъ общество; съ другой стороны. онѣ прилагаютъ усилія, чтобы общая масса производства была въ извѣстной соразмѣрности раздѣлена между отдѣльными производителями; чтобы никто изъ производителей не работалъ чрезмѣрно, и никто не оставался безъ работы“.

Самыя тяжкія соціальныя бѣдствія, продолжаетъ Клейнвехтеръ, являются результатомъ анархическаго состоянія современнаго народнаго хозяйства. Вѣчное чрезмѣрное производство (Ueberproduction) и, какъ результатъ его, переполненіе рынка и остановка сбыта, шаткое положеніе предпринимателей и страданія

рабочихъ—таковы неизбѣжныя послѣдствія отсутствія единства и планомѣрности въ руководствѣ хозяйствомъ. Очевидно, обѣ преслѣдуемыя торгово-промышленными стачками (картелями) цѣли полезны для общества *).

Но является вопросъ: достигаютъ-ли торгово-промышленныя стачки указанныхъ цѣлей, въ какой мѣрѣ, и не вызываютъ ли онѣ вредныхъ явленій?

Отвѣчая на эти вопросы, Клейнвехтеръ излагаетъ возраженія противъ торгово-промышленныхъ стачекъ и подвергаетъ ихъ критическому разбору:

1) Нѣкоторыя лица, говоритъ онъ, признаютъ картели въ однихъ случаяхъ и отрицаютъ ихъ право на существованіе въ другихъ. Такъ, напримѣръ, допускаютъ возможность соглашеній между желѣзными дорогами, посредствомъ которыхъ онѣ устраняютъ конкурренцію, но отрицаютъ картели между заводчи-

*) Die Kartelle, стр. 160—162.

ками, углепромышленниками и проч. Такого рода разсужденія, по мнѣнію Клейнвехтера, не выдерживаютъ критики, такъ какъ въ нихъ нѣтъ послѣдовательности. Подобные взгляды напоминаютъ претензіи различныхъ промышленниковъ относительно таможенной защиты, когда каждый требуетъ защиты для себя, но отвергаетъ ее для другихъ отраслей производства.

2) Многіе дѣловые люди указываютъ, что картели выгодны преимущественно для крупныхъ и пріобрѣвшихъ реноме предпріятій. Если для извѣстныхъ продуктовъ по соглашенію производителей установлена одинаковая цѣна, то понятно, что публика будетъ обращаться къ предпріятіямъ, пользующимся наибольшей извѣстностью и наиболѣе солидной репутаціей. Предпріятія молодыя, неокрѣпшія, недостигшія высокихъ качествъ производства или не пріобрѣвшія еще репутаціи, соперничаютъ со своими конкуррентами дешевизной продуктовъ, а эта-то возможность у нихъ отнимается паз-

наченіемъ одинаковой цѣны. Клейнвехтеръ считаетъ это соображеніе основательнымъ, но думаетъ, что оно можетъ быть устранено опредѣленіемъ не только цѣны, но и размѣровъ производства для каждаго предпріятія.

3) Картель крупныхъ предпріятій можетъ служить средствомъ для подавленія конкурренціи мелкихъ производителей въ той же отрасли промышленности. Клейнвехтеръ въ опроверженіе этого соображенія ссылается на мнѣніе одного пивовара средней руки, который не присоединился къ возникшей въ его городѣ стачкѣ и утверждалъ, что она безсильна противъ него; но авторъ однако удерживается отъ окончательнаго приговора по этому вопросу.

4) По свидѣтельству многихъ дѣловыхъ людей торгово-промышленныя стачки препятствуютъ усовершенствованіямъ въ производствѣ. Естественное стремленіе каждаго промышленника состоитъ въ улучшеніи производства и пониженіи издержекъ, что даетъ возможность

понизить продажныя цѣны продукта съ цѣлью расширенія сбыта. Если предприниматели вступаютъ въ картель и назначаютъ минимальную цѣну или размѣры производства, то побужденіе къ усовершенствованію производства исчезаетъ.

Клейнвехтеръ не отрицаетъ этого довода, но замѣчаетъ, что нынѣшнія торгово-промышленныя стачки обнаруживаютъ такую тенденцію вслѣдствіе своей несовершенной организаціи (?).

5) Торгово-промышленныя стачки обнаруживаютъ наклонность покровительствовать заграничному вывозу на счетъ внутреннихъ потребителей. Цѣль картелей урегулировать внутренній рынокъ, устранить переполненіе его; что дѣлается заграницей, предпринимателямъ, составившимъ стачку, нѣтъ дѣла. Вслѣдствіе этого во многихъ картельныхъ договорахъ существуетъ оговорка, въ силу которой картельныя ограниченія не распространяются на продукты, назначенные для загра-

ничнаго экспорта. Въ силу этой оговорки, предприниматели, не могущіе расширить производства для внутренняго рынка или продать продуктъ ниже извѣстной цѣны, сбываютъ его заграницу по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Такимъ образомъ, налагая жертвы на внутреннихъ потребителей, торгово-промышленныя стачки работаютъ въ пользу потребителей заграничныхъ. На это зло было указано по поводу стачки дортмундскихъ углепромышленниковъ, отправлявшихъ уголь заграницу гораздо дешевле, нежели онъ продавался на мѣстѣ. Огромное количество такихъ фактовъ можно привести изъ практики желѣзнодорожныхъ компаній.

6) Какъ противники, такъ и нѣкоторые защитники картелей признаютъ, говоритъ Клейнвехтеръ, что онѣ не долговѣчны и существуютъ только до тѣхъ поръ, пока сохраняется согласіе между участниками. Говорятъ, что стачки —дитя нужды, а какъ только дѣла начинаютъ поправляться, онѣ распадаются. Но, по словамъ Клейнвехтера, дѣловые люди не раздѣляютъ этого воззрѣнія.

Таковы недостатки торгово-промышленныхъ стачекъ; что же касается ихъ способности регулировать народное хозяйство и устанавливать равновѣсіе между производствомъ и потребностями, то Клейнвехтеръ считаетъ картели пригодными для этой цѣли. Для регулированія производства, говоритъ онъ, необходимо объединеніе управленія имъ въ однихъ рукахъ. Къ этому и стремится торгово-промышленная стачка, и этой цѣли она достигнетъ, когда охватитъ всѣ отрасли промышленности въ цѣлой странѣ. Конечно, прибавляетъ авторъ, это будетъ монополія; но она совершенно неизбѣжна. Если нынѣшнія картели не оказываютъ еще такого вліянія, то, во 1-хъ, потому, что онѣ являются мѣстными организаціями, между тѣмъ какъ при нынѣшнихъ условіяхъ экономической дѣятельности необходима организація общегосударственная; въ 2-хъ, потому, что картели не имѣютъ юридической санкціи, а вслѣдствіе этого и достаточной силы, которую имъ долженъ дать законъ. Хотя призна-

ніе торгово-промышленныхъ стачекъ юридическими корпораціями представило бы опасность созданія монополіи, но эта опасность можетъ быть парализована оставленіемъ за государствомъ права разрѣшать путемъ концессіи новыя предпріятія, помимо вошедшихъ въ картель, а также права установлять въ извѣстныхъ случаяхъ цѣны продуктовъ*).

Хотя въ принципѣ проф. Клейнвехтеръ считаетъ торгово-промышленныя стачки примѣнимыми, какъ къ крупнымъ, такъ и къ мелкимъ предпріятіямъ, но преимущественною ихъ ареною онъ признаетъ крупную промышленность. Для мелкой промышленности (въ которой необходимо различать исключительно мѣстные промыслы, продукты или услуги которыхъ не способны къ передвиженію, смѣшанные промыслы и подвижные) требуется иная организація, въ формѣ товариществъ и корпорацій, которая замѣнила-бы прежніе цехи, соотвѣтственно современнымъ условіямъ и потребностямъ.

*) Die Kartelle, 162—169.

Такова теорія проф. Клейнвехтера. Основная ея мысль—желаніе внести порядокъ въ экономическую жизнь, установить соотвѣтствіе между производствомъ и потребностями общества —чрезвычайно заманчива, а указаніе на хаотическое состояніе хозяйства или, какъ онъ говоритъ, „экономическую анархію“ не лишено основаній. Какъ извѣстно, эти мысли были исходнымъ пунктомъ соціалистическихъ ученій различныхъ оттѣнковъ. Темныя стороны конкурренціи уже давно были, кромѣ Сисмонди и др., блестяще анализованы Прудономъ, сказавшимъ, что конкурренція есть „война всѣхъ противъ всѣхъ“. Но Прудонъ не менѣе ясно понималъ опасность монополіи, говоря, что монополія есть „избіеніе младенцевъ“. Этой послѣдней стороны вопроса не видитъ Клейнвехтеръ. Недостатки въ экономической организаціи общества дѣйствительно существуютъ, и даже очень крупные; но вопросъ въ томъ: возможно-ли установить въ хозяйственной жизни тотъ порядокъ, о которомъ мечтаетъ Клейн-

вехтеръ, а если-бы это даже было возможно, то пригодно-ли для этой цѣли предлагаемое имъ средство?

На оба эти вопроса мы не можемъ отвѣтить иначе, какъ отрицательно. По опредѣленію проф. Клейнвехтера экономическій хаосъ и анархія исчезнутъ, если будетъ установлено соотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ. Это совершенно справедливо, но для этого, очевидно, необходимо регулировать оба фактора экономической жизни, т. е. съ одной стороны—производство, а съ другой—потребленіе, возникающее изъ потребностей. Но какъ регулировать потребности, постоянно измѣняющіяся, при чемъ однѣ изъ нихъ развиваются, другія ослабѣваютъ, рождаются новыя, а старыя совершенно исчезаютъ? Этого вопроса никто не разрѣшилъ и не разрѣшитъ, ибо измѣненіе потребностей есть результатъ всей жизни, со всѣми ея многоразличными процессами. А между тѣмъ, какъ ни регулировать производство, нельзя устранить „хаоса“

въ экономическихъ отправленіяхъ, насколько онъ порождается измѣненіемъ потребностей. Если въ странѣ было 10000 заводовъ, приготовлявшихъ свѣчи, но вслѣдствіе распространенія керосиноваго освѣщенія потребность въ свѣчахъ уменьшилась на 50—80%, то и производство должно сократиться въ такихъ же размѣрахъ, огромная масса заводовъ закроется, многіе заводчики раззорятся, а рабочіе будутъ выброшены на улицу. Очевидно, никакія стачки производителей противъ такой „анархіи“ не помогутъ. Тутъ могла бы помочь только фантастическая картель потребителей, которые обязались бы освѣщать свои жилища свѣчами, хотя керосинъ былъ бы гораздо дешевле. Но подобную картель не можетъ вообразить самая пылкая фантазія. Для устраненія хаоса и защиты производителей оставалось-бы въ такомъ случаѣ еще одно средство—установленіе регламента потребленія, *обязывающаго* потреблять тотъ или иной продуктъ. Но подобные регламенты точно также нелѣпая фантазія.

Не лучше стоитъ вопросъ и относительно регулированія производства. Производство, какъ и потребленіе, постоянно реформируется: непрерывно создаются новыя отрасли промышленности, а старыя упраздняются; одни технические процессы смѣняются другими съ поразительной быстротой. И каждая такая реформа производитъ неминуемо и неизбѣжно хаосъ въ производствѣ. Введеніе паровыхъ машинъ перевернуло вверхъ дномъ все производство, а улучшенія путей сообщенія—всю торговлю. Это—крупныя, міровыя реформы; но кромѣ ихъ есть безчисленное множество мелкихъ реформъ для отдѣльныхъ отраслей промышленности, которыя имѣли такое же вліяніе, но только въ небольшихъ спеціальныхъ сферахъ. Очевидно, остановить эти реформы производства, значитъ остановить весь экономическій прогрессъ, отказаться отъ всѣхъ благодѣяній, которыя даютъ человѣчеству наука и техническія искусства. Это не только не желательно, но и невозможно; а между тѣмъ не подлежитъ сом-

нѣнію, что именно поступательное движеніе промышленности, проложеніе новыхъ техническихъ и коммерческихъ путей и вызываемая этими явленіями перестройка и перетасовка производства и торговли должны быть признаны главной причиной экономическаго хаоса, на который жалуется Клейнвехтеръ. Но это явленіе безусловно неизбѣжное; предупредить его никакими силами невозможно, потому, во-первыхъ, что промышленность, пролагая новый путь, идетъ ощупью и дѣлаетъ ошибки, во-вторыхъ, что трансформація производства неизбѣжно сопровождается уничтоженіемъ вещественныхъ капиталовъ, которые оказываются негодными при новыхъ условіяхъ производства, выбрасываніемъ изъ промышленности рабочихъ и гибелью предпріятій, не способныхъ приспособиться къ новымъ формамъ. Что здѣсь можетъ сдѣлать стачка? Очевидно, ничего.

Но если такимъ образомъ стачка или вообще какія бы то ни было мѣры безсильны устранить „хаосъ“, вызываемый прогрессомъ или

регрессомъ промышленности, то остается другой случай, а именно—случай неподвижнаго состоянія промышленности. Дѣло идетъ объ установленіи соотвѣтствія между производствомъ и потребленіемъ, когда промышленность прочно установилась, когда техника ея не измѣняется или измѣняется весьма слабо, когда, съ другой стороны, потребленіе также вошло въ опредѣленныя болѣе или менѣе неподвижныя нормы. Здѣсь, конечно, стачка можетъ облегчить установленіе баланса между производствомъ и потребленіемъ, но такой результатъ достигается и безъ стачекъ. Рынокъ постепенно приводитъ въ извѣстность производительныя силы промышленности и размѣры производства, и, послѣ неизбѣжныхъ колебаній и борьбы, устанавливается извѣстный status, извѣстный экономическій modus vivendi et agendi. Онъ устанавливается и удерживается въ силу того, что новыя предпріятія не появляются, въ виду трудности создать себѣ положеніе и найти свободное мѣсто, такъ какъ всѣ мѣста уже за-

няты; а старыя—удерживаютъ насиженныя мѣста и завоеванные районы сбыта. Конечно, и въ этомъ случаѣ можно говорить только объ относительной неподвижности, такъ какъ отдѣльныя предпріятія не остаются постоянно въ одномъ и томъ же положеніи. Вслѣдствіе различныхъ причинъ. напр. личныхъ (смерть лица, руководящаго предпріятіемъ. оставленіе имъ промышленности, вступленіе новыхъ лицъ), физическихъ (напр). измѣненіе естественныхъ факторовъ производства, какъ то: истощеніе залежей каменнаго угля. рудниковъ), общественныхъ (измѣненіе рынковъ, вслѣдствіе разростанія или обѣдненія тѣхъ или иныхъ городскихъ центровъ или даже отдѣльныхъ частей города), наконецъ, вслѣдствіе вліянія случая (пожаръ, наводненіе и пр.)—одни предпріятія падаютъ или сокращаютъ производство, другія разростаются, появляются новыя и т. п.; но эти частичныя перемѣны, касающіяся отдѣльныхъ лицъ и предпріятій, могутъ не нарушать общаго положенія промышленности и

установившагося въ ней равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ. Такое равновѣсіе можетъ поддерживаться и при болѣе или менѣе бойкой конкурренціи между отдѣльными предпріятіями, при чемъ конкурренція стремится не къ тому, чтобы расширить промышленность свыше установившейся, согласно съ потребностями, нормы, а чтобы достигнуть иного раздѣла общей суммы производства или сбыта (если дѣло идетъ о торговлѣ) между предпринимателями. Такимъ образомъ принципіально конкурренція вовсе не равносильна „хаосу“ и „анархіи“ въ хозяйствѣ. Этимъ объясняется и тотъ весьма частый и обыденный фактъ, что болѣе или менѣе дѣятельная конкурренція не сопровождается ни раззореніями промышленниковъ, ни кризисами производства, ни застоемъ въ сбытѣ.

Выше было замѣчено, что въ разсматриваемомъ случаѣ, т. е. при опредѣлившемся и болѣе или менѣе неподвижномъ состояніи производства и потребленія, установленіе равно-

вѣсія между тѣмъ и другимъ можетъ быть достигнуто и при конкурренціи, и путемъ прямаго соглашенія, или стачкой. Нельзя не согласиться, что иногда стачка облегчаетъ процессъ регулированія производства, сравнительно съ конкурренціей; но можно-ли въ силу этого признать стачку полезной и желательной экономической силой?

Выше мы привели возраженія, которыя дѣлаются противъ стачекъ, и критику ихъ проф. Клейнвехтера. Несомнѣнно, что критика эта весьма слаба и не опровергаетъ ни одного изъ выставленныхъ серьезныхъ доводовъ. Побѣдителемъ Клейнвехтеръ оказывается только въ своихъ возраженіяхъ противъ тѣхъ, кто произвольно разобщаетъ понятіе стачки, признаетъ ее въ однихъ случаяхъ и отрицаетъ въ другихъ, тождественныхъ по существу, а также въ возраженіяхъ противъ тѣхъ послѣдователей доктрины laissez faire, которые, въ противорѣчіе исповѣдываемому ими принципу, требуютъ репрессивныхъ законодательныхъ мѣръ противъ

стачекъ. Клейнвехтеръ не отрицаетъ, что стачки покровительствуютъ крупнымъ и вообще болѣе сильнымъ предпріятіямъ на счетъ слабѣйшихъ, препятствуютъ усовершенствованіямъ промышленности, налагаютъ бремя на внутреннихъ потребителей и въ ущербъ имъ покровительствуютъ экспорту и т. д.

Но все это—частныя возраженія, вытекающія изъ принципіальнаго порока стачекъ, котораго Клейнвехтеръ не коснулся. Онъ видитъ въ стачкахъ регуляторъ промышленности, способный водворить въ ней порядокъ на мѣсто нынѣшней анархіи. Допустимъ, что это такъ; но, очевидно, такой регуляторъ для того, чтобы принести пользу народному хозяйству, долженъ стоять на точкѣ зрѣнія народнаго, а не частнаго хозяйства, руководиться принципами, охватывающими и примиряющими частные и общественные интересы. Между тѣмъ стачки по самому своему существу не въ состояніи руководиться подобнымъ принципомъ общественной пользы: онѣ служатъ выраженіемъ и

проводникомъ частныхъ и односторонніхъ интересовъ, съ тою лишь разницею, что эти односторонніе интересы будутъ дѣйствовать не въ одиночку, а какъ массовая организованная сила. Стачки производителей естественно будутъ враждебны интересамъ потребителей, стачки потребителей—интересамъ производителей. стачки торговцевъ—интересамъ и производителей, и потребителей. Борьба между различными экономическими группами. т. е. между производителями, потребителями и торговыми посредниками. существующая нынѣ, останется по прежнему, но съ той разницей. что она значительно обострится, такъ какъ не будетъ смягчаться конкурренціей въ каждой изъ этихъ группъ.

При такой организаціи произойдетъ одно изъ двухъ: или стачкѣ и монополіи будетъ противупоставлена стачка же и монополія, или, если одна изъ группъ организуетъ стачку, а другая не сумѣетъ противупоставить ей то же оружіе, то неорганизованная сила будетъ по-

давлена организованной. Въ первомъ случаѣ хаосъ можетъ остаться въ прежней силѣ; во второмъ—будетъ водворенъ только кажущійся порядокъ, а въ дѣйствительности хаотическое состояніе можетъ возрасти. Конечно, если производители организуютъ стачку, опредѣлятъ размѣры производства, цѣны, раздѣлятъ рынки и проч., то они не будутъ жаловаться на безпорядокъ и несоотвѣтствіе производства съ потребленіемъ, но такое несоотвѣтствіе можетъ оказаться для потребителя, который вынужденъ будетъ отказаться отъ удовлетворенія данной потребности вслѣдствіе дороговизны или, если это не возможно, удовлетворять ее по чрезмѣрной цѣнѣ въ ущербъ другимъ потребностямъ. Съ точки зрѣнія народнаго хозяйства недостаточное производство, вызывающее дороговизну и затрудняющее потребленіе, есть такой же порокъ, какъ и чрезмѣрное производство или разорительная для производителя дешевизна, ибо окончательная цѣль всей экономической дѣятельности—потребленіе, удов-

летвореніе потребностей. Иными словами: анархія въ народномъ хозяйствѣ, если производители организуются въ могущественныя коалиціи, не исчезнетъ, но безпорядокъ производства будетъ смѣненъ безпорядкомъ потребленія.

Очевидно вмѣстѣ съ тѣмъ, что чѣмъ важнѣе будетъ данная отрасль производства, по количественнымъ-ли размѣрамъ удовлетворяемой потребности или по качественнымъ, т. е. по степени настоятельности потребности (лекарства), или въ томъ и другомъ отношеніи (предметы продовольствія), тѣмъ опаснѣе послѣдствія злоупотребленій, которыя можетъ создать искусственная монополія въ видѣ стачекъ.

Но если стачки и создаваемыя ими монополіи сами по себѣ и неизбѣжно склонны къ злоупотребленіямъ, то можно-ли указать силу, способную противодѣйствовать имъ?

Проф. Клейнвехтеръ указываетъ на концессіонное право государства разрѣшать новыя предпріятія, какъ на такую силу; но какое

значеніе можетъ имѣть это право, если въ настоящее время, когда никакихъ разрѣшеній не требуется, частная предпріимчивость не всегда оказывается способной бороться съ монополіей? При развитіи послѣдней, при предоставленіи стачкѣ юридическихъ правъ, концессіонное право государства, съ цѣлью вызвать конкурренцію, которую оно прежде подавило, очевидно, останется въ наиболѣе важныхъ случаяхъ мертвымъ правомъ. Для предпріятій, склонныхъ къ монополіи, напримѣръ, въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, безсиліе концессій, направленныхъ къ созданію конкурренціонныхъ предпріятій, доказано фактически уже и нынѣ. Въ силу этого кореннаго порока монополіи, развитіе стачекъ и покровительство имъ со стороны закона представляются съ экономической точки зрѣнія нежелательными и опасными.

Но фактъ тотъ, что это явленіе развивается въ современной жизни и пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе во многихъ важ-

ныхъ отрасляхъ промышленности. Ели это явленіе нежелательное, то какъ противодѣйствовать ему? При рѣшеніи этого вопроса нужно различать нѣсколько случаевъ.

1) Нѣкоторыя предпріятія по самой своей сущности обладаютъ сильной тенденціей къ монополіи. Такъ какъ относительно ихъ конкурренція оказывается безсильной, и случайное появленіе ея не рѣдко только ухудшаетъ положеніе дѣла, то на общественной власти (государственной или мѣстной) лежитъ обязанность или строго регулировать эти монопольныя производства, или взять ихъ въ свои руки (напр. устройство и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ, водопроводовъ, газопроводовъ и т. п.).

2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ монополіи въ производствѣ, но возможна и часто практикуется стачка относительно цѣнъ, между тѣмъ дѣло идетъ о предметахъ или услугахъ, имѣющихъ важное значеніе въ народной жизни,— общественная власть можетъ и должна примѣнить право таксаціи цѣнъ. Чѣмъ шире бу-

дутъ развиваться стачки, тѣмъ шире должно практиковаться и право таксаціи цѣнъ.

3) Наконецъ, государство можетъ противодѣйствовать стачкамъ чисто юридическимъ путемъ, лишая договоры о стачкахъ покровительства гражданскаго закона или вводя ихъ въ разрядъ преступныхъ дѣяній, подвергаемыхъ уголовной карѣ.

Здѣсь мы переходимъ къ юридической сторонѣ вопроса. Какъ относятся положительныя законодательства къ стачкамъ? Сравненіе нѣсколькихъ кодексовъ убѣждаетъ, что это отношеніе не одинаково. Прежде всѣ законодательства считали стачку преступленіемъ и наказывали участниковъ суровыми карами; въ настоящее время въ нѣкоторыхъ законодательствахъ осталась эта точка зрѣнія, хотя смягченная; въ другихъ же стачки объявлены ненаказуемыми, но въ то же время договоры о стачкахъ признаются юридически ничтож-

ными, не налагающими никакихъ юридическихъ обязательствъ на участниковъ.

Въ Англіи уже закономъ 1826 г. *) были допущены стачки, но категорически выражено, что соглашенія о стачкахъ не имѣютъ юридической силы для участниковъ. Та же самая точка зрѣнія проведена въ законѣ 29 іюня 1871 г. **), въ которомъ сказано, что каждому предоставляется входить въ стачку и подчиняться по соглашенію извѣстнымъ обязательствамъ; но если участникъ нарушитъ договоръ и не исполнитъ принятыхъ на себя обязательствъ, то онъ не можетъ быть принужденъ къ такому исполненію судомъ.

Точно также нѣмецкій Gerverbeordnung 21 іюня 1869 г., § 152 гласитъ: „Отмѣняются всѣ запрещенія и уголовныя взысканія съ ремесленниковъ, подмастерьевъ или фабричныхъ рабочихъ за соглашенія и стачки съ цѣлью

*) 6 Georg IV ch. 129.

**) 34 и 35 Vict. ch. 31.

истребованія высшей заработной платы или иныхъ условій работы, въ особенности посредствомъ остановки работы или оставленія рабочими своихъ мѣстъ".

„Каждый участникъ имѣетъ право выйти изъ стачки, и это обстоятельство не даетъ основанія ни для иска, ни для претензіи".

Австрійскій законъ 7 апрѣля 1870 г. о свободѣ стачекъ постановляетъ:

§ 1. Постановленія §§ 479, 480 и 481 общаго уголовнаго закона 27 мая 1852 г. отмѣняются *).

§ 2. Соглашенія работодателей, какъ то: ремесленниковъ, нанимателей прислуги, управляющихъ фабриками, горными заводами, ко-

---

*) §§ 479 и 480 закона 1852 г., какъ и болѣе ранняго закона 1803 г., устанавливали уголовныя взысканія за стачки съ цѣлью возвышенія цѣны товаровъ. Зачинщики наказывались арестомъ до 3-хъ мѣсяцевъ, участники отъ 3-хъ дней до 1 мѣсяца.

пями или другихъ предпринимателей, которые имѣютъ въ виду посредствомъ остановки работы или увольненія рабочихъ понизить заработную плату или вообще ввести болѣе невыгодныя условія работы, точно также какъ соглашенія рабочихъ (мастеровыхъ, подмастерьевъ, прислуги или другихъ рабочихъ за плату) съ цѣлью вынудить у работодателя высшую плату или вообще болѣе благопріятныя условія работы, а также всѣ союзы съ цѣлью поддержки участниковъ въ вышеупомянутыхъ стачкахъ или ко вреду тѣхъ, которые отказываются отъ нихъ, не имѣютъ никакой юридической силы (Keine rechtiche Wirkung).

§ 3. Кто для расширенія или принудительнаго осуществленія одной изъ стачекъ, поименованныхъ въ § 2, будетъ посредствомъ угрозъ или насилія препятствовать или покушаться препятствовать работодателямъ или рабочимъ въ силу ихъ свободнаго рѣшенія давать или принимать работу, если его дѣйствія не подлежатъ болѣе строгимъ наказаніямъ, под-

вергается аресту отъ 8 дней до 3 мѣсяцевъ.

§ 4. Изложенныя въ §§ 2 и 3 постановленія распространяются на стачки промышленниковъ съ цѣлью поднять цѣну продуктовъ во вредъ публикѣ.

По французскому уголовному кодексу коммерческія стачки, какъ и стачки рабочихъ, считаются преступленіемъ. §§ 414 и 415 Code Penale говорятъ главнымъ образомъ о стачкахъ рабочихъ, хотя въ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ употребляется общее выраженіе—„покушеніе на ограниченіе свободы промышленности“ (atteite au libre exercice de l'industrie où du travail). Объ этомъ послѣднемъ преступленіи говоритъ и art. 416; спеціально же коммерческія стачки и распространеніе ложныхъ слуховъ имѣютъ въ виду art. 419 и 420.

§ 419. Кто посредствомъ лживыхъ или клеветническихъ слуховъ, распространяемыхъ въ публикѣ, ложныхъ сообщеній о цѣнахъ, которыя требовали продавцы, а также посред-

ствомъ стачекъ (reunion ou coalition) между главными владѣльцами (detenteur) однихъ и тѣхъ же товаровъ или припасовъ, направленныхъ къ тому, чтобы не продавать товара или продавать его только по опредѣленной цѣнѣ, или кто посредствомъ какихъ-либо обманныхъ способовъ или средствъ произведетъ повышеніе или пониженіе цѣны товаровъ, припасовъ, бумагъ или публичныхъ фондовъ, выше или ниже цѣны, которая была бы опредѣлена путемъ естественной конкурренціи и свободной торговли, тотъ подвергается заключенію въ тюрмѣ отъ одного мѣсяца до года и штрафу отъ 500 до 10000 фр. Кромѣ того виновные могутъ быть отданы по приговору суда подъ надзоръ высшей полиціи на время отъ 2 до 5 лѣтъ.

§ 420. Наказаніе возвышается,—арестъ отъ 2 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ и штрафъ отъ 1000 до 20000 фр.,—если эти операціи касались зерна, сѣмянъ, муки, издѣлій изъ муки, хлѣба, вина или всякаго иного напитка.

Въ этомъ случаѣ отдача подъ надзоръ полиціи можетъ быть назначена на срокъ отъ 5 до 10 лѣтъ.

§§ 421 и 422 подводятъ подъ наказаніе опредѣленное въ § 419 биржевую игру фондами.

Французскій кассаціонный сенатъ истолковалъ, что наказуемо только совершенное преступленіе, т. е. когда вслѣдствіе стачки послѣдовало повышеніе или пониженіе цѣны; не достигшая же цѣли стачка разсматривается, какъ ненаказуемое покушеніе. Съ другой стороны, тотъ же сенатъ разъяснилъ, что ст. 419 относится ко всѣмъ видамъ стачекъ. Такъ признается стачкою договоръ между желѣзными дорогами и другими транспортными учрежденіями, занимающимися перевозкой пассажировъ или товаровъ, съ цѣлью исключенія другихъ предпріятій, дессервирующихъ тотъ же районъ.

Что касается недѣйствительности договоровъ о стачкахъ съ точки зрѣнія гражданскаго права,

то, хотя французскій законъ объ этомъ прямо не говоритъ, тѣмъ не менѣе въ виду приведенныхъ постановленій уголовнаго кодекса вопросъ несомнѣнно разрѣшается утвердительно art. 1180 Code Civile, требующимъ, чтобы каждый договоръ имѣлъ „cause licite“ и art. 1131, который гласитъ: „Obligation sans cause, sur une fausse cause ou sur un cause illicite ne peut avoir aucun effet“. Art. 1133 Code Civile разъясняетъ, что „беззаконной“ считается цѣль, если она запрещена закономъ, противна добрымъ нравамъ или общественному порядку. Лоранъ, комментируя эту статью, говоритъ, что выраженіе „l'ordre public“ должно быть понимаемо широко, въ смыслѣ d'intérêt public *).

Такъ какъ цѣль стачекъ запрещена французскимъ закономъ, и такъ какъ она противна общественнымъ интересамъ, то, очевидно, договоры о стачкахъ должны быть признаны недѣйствительными.

*) Laurent, Cours elementaire, т. II pp. 386—388.

Что касается русскаго законодательства, то въ гражданскихъ законахъ о стачкахъ ничего не говорится, а въ Уложеніи о наказаніяхъ имѣется нѣсколько спеціальныхъ статей. Уложенію извѣстны стачки поставщиковъ при казенныхъ подрядахъ и поставкахъ (ст. 487, 492), при публичныхъ продажахъ (ст. 463, 498, 499, 1181, 1330), стачки рабочихъ (ст. 1358) и, наконецъ, стачки торговцевъ предметами продовольствія и первой необходимости (ст. 1180). Оставляя въ сторонѣ тѣ статьи, въ которыхъ говорится объ участіи въ стачкахъ при публичныхъ продажахъ, подрядахъ и поставкахъ чиновниковъ,—такъ для послѣднихъ это есть преступленіе по службѣ—мы увидимъ, что Уложеніе предусматриваетъ и считаетъ наказуемыми три вида стачекъ: 1) стачки участвующихъ въ публичныхъ торгахъ, 2) стачки рабочихъ и 3) стачки торговцевъ предметами первой необходимости, въ особенности припасами.

Вотъ относящіяся сюда статьи Уложенія о наказаніяхъ:

„Ст. 1181. Кто при продажѣ недвижимаго или движимаго имущества съ публичнаго торга или при торгахъ на подряды и поставки или откупы, склонитъ другихъ подарками, обѣщаніями или инымъ образомъ не участвовать въ торгахъ, тотъ за сіе подвергается денежному взысканію не свыше 500 рублей.

Ст. 913. За стачку, сдѣлку или другое соглашеніе торгующихъ къ возвышенію цѣнъ на предметы продовольствія, виновные подвергаются наказаніямъ и взысканіямъ, опредѣленнымъ въ ст. 1180 сего Уложенія.

Ст. 1180. За стачку торговцевъ или промышленниковъ для возвышенія цѣны не только предметовъ продовольствія, но и другихъ необходимой потребности товаровъ или для непомѣрнаго пониженія сей цѣны въ намѣреніи стѣснить дѣйствія привозящихъ или доставляющихъ сіи товары, а черезъ то препятствовать и дальнѣйшему въ большемъ количествѣ привозу новыхъ,—зачинщики такихъ противозаконныхъ соглашеній подвергаются заклю-

ченію въ тюрмѣ на время отъ 4-хъ до 8-и мѣсяцевъ, а прочіе, только участвовавшіе въ нихъ, приговариваются, смотря по степени сего участія: или къ аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ или денежному взысканію не свыше 200 рублей. Когда же отъ такой стачки произойдетъ дѣйствительный недостатокъ въ товарахъ первой необходимости, и сіе будетъ поводомъ къ нарушенію общественнаго спокойствія, то зачинщики приговариваются къ лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ, на основаніи статьи 50 сего Уложенія, правъ и преимуществъ и къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ, а прочіе виновные—къ заключенію въ тюрмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ".

Наибольшій интересъ представляетъ для нашей цѣли ст. 913 и 1180 Уложенія. Г. Неклюдовъ, комментируя эти статьи, говоритъ, что участниками стачки могутъ быть только

торговцы предметами продовольствія и другими предметами необходимости, что законъ караетъ самую стачку безразлично, достигла-ли она своей цѣли или нѣтъ. Толкованіе его относительно того, что законъ имѣетъ въ виду „непомѣрную“ дороговизну, и объясненіе, что разумѣть подъ „непомѣрными“ цѣнами, едвали можно признать правильными.

Г. Неклюдовъ говоритъ, что „подъ непомѣрно низкою цѣною слѣдуетъ разумѣть такую цѣну, которая или не покрываетъ издержекъ по эксплуатаціи и доставкѣ, или хотя и покрываетъ, но столь низка, что лишаетъ возможности конкуррировать со стакнувшимися остальныхъ добросовѣстныхъ продавцовъ или производителей, заставляя ихъ продавать товаръ безъ барыша или и просто въ убытокъ; подъ непомѣрно же высокою цѣною слѣдуетъ понимать такую рыночную цѣну, которая, не оправдываясь ни количествомъ спроса, ни количествомъ дѣйствительнаго предложенія, представляется не рыночною цѣною даннаго вре-

мени и мѣста, а искусственно вздутою жадными и азартными спекулянтами до такихъ предѣловъ, которые дѣлаютъ товаръ недоступнымъ для массы его обыкновенныхъ потребителей. Иными словами, цѣна на данный предметъ должна быть признана непомѣрно высокою, коль скоро жители данной мѣстности вынуждены будутъ платить за товаръ такія цѣны. платя которыя продолжительное время состоятельный человѣкъ можетъ впасть въ нужду, а бѣдный и вовсе умереть съ голоду, ходить нагишемъ или сидѣть въ потьмахъ“ *).

Это толкованіе, довольно произвольное по существу, практически не имѣетъ, какъ намъ кажется, значенія: если законъ наказуетъ самое образованіе стачки, то совершенно безразлично, какого уровня достигаютъ или могутъ достигнуть цѣны. Разъ возникла стачка, хотя бы она имѣла въ виду возвысить или

*) Неклюдовъ, Руководство къ особенной части угол. права, Т. III стр. 431.

понизить цѣны на самую ничтожную разницу. преступный фактъ существуетъ. Въ виду этого выраженіе „непомѣрный“ должно понимать въ смыслѣ всякаго уклоненія отъ нормальныхъ цѣнъ, опредѣляемыхъ конкурренціей; но опредѣлить, существуетъ-ли такое уклоненіе и въ какой мѣрѣ, можно лишь въ немногихъ случаяхъ, между прочимъ тогда, когда наступили условія, предусмотрѣнныя второй половиной 1180 ст.

Точно также намъ кажется произвольнымъ толкованіе г. Неклюдова относительно объекта стачки, предусмотрѣнной 913 и 1180 ст.

„Объектомъ преступленія, говоритъ г. Неклюдовъ, должны быть: 1) предметы продовольствія или 2) другіе товары первой необходимости, т. е. все то, что составляетъ не предметъ роскоши, сытаго довольства или каприза, а предметъ жизненной потребности, необходимый не для однихъ зажиточныхъ классовъ, но и для каждаго простолюдина, такъ сказать, предметъ ежедневнаго потребленія.

На семъ основаніи предметами стачки могутъ быть: а) изъ предметовъ продовольствія: предметы пищи, а не питья, ибо при наличности въ государствѣ достаточнаго количества воды, водка и прочіе напитки составляютъ для общей массы жителей предметъ прихоти, роскоши или разгула, а отнюдь не первой необходимости. Въ числѣ же предметовъ продовольствія предметомъ стачки могутъ быть не омары или анчоусы, не стерляди или устрицы, не дупеля или вальдшнепы, не груши или яблоки, не имбирь или прочія приправы изысканной кухни, а хлѣбъ, сѣно, овесъ, соль, мясо, рыба, словомъ—все то, что употребляется въ пищу каждаго простолюдина, и безъ чего можно прожить только временно, а не постоянно; б) изъ другихъ товаровъ „необходимой потребности или первой необходимости“: предметы одежды, обуви, отопленія и освѣщенія, т. е. предметы самой насущной нужды, и при томъ простолюдина, а отнюдь не бархатъ, софьянъ, шолкъ, соболь, горностай, зонтики, книги и т. п.“ *).

*) Неклюдовъ, Т. III, стр. 430.

Зачисленіе въ предметы первой необходимости только пищи, а не напитковъ не имѣетъ основанія, ибо, напр. въ Россіи чай, въ Франціи, Германіи, Австріи кофе должны быть отнесены для многочисленнаго класса общества къ предметамъ необходимости. Выставленный критерій для опредѣленія предметовъ „необходимой потребности“, какъ предметовъ „жизненной потребности“ *каждаго простолюдина* и какъ предметовъ „*ежедневнаго*“ потребленія также едвали вѣренъ, ибо тогда пришлось-бы признать, что стачки хлѣбопековъ, изготовляющихъ ржаной хлѣбъ, наказуемы, а стачки булочниковъ не наказуемы; что стачки мясниковъ также не наказуемы, ибо мясо никоимъ образомъ не составляетъ для простолюдина „предмета ежедневнаго потребленія“. Но кромѣ того, всѣ эти разсужденія по отношенію къ предметамъ продовольствія намъ кажутся невѣрными потому, что законъ не дѣлаетъ никакого различія между предметами продовольствія. Ст. 913 и 1180 говорятъ о предметахъ продовольствія

вообще, а признакъ „предметы первой необходимости“ относится къ другимъ товарамъ. Конструкція статьи 1180, въ которой сказано: „не только предметовъ продовольствія, *но и другихъ необходимой потребности товаровъ*“, даетъ основаніе думать, что законъ всѣ вообще предметы продовольствія относитъ къ предметамъ первой необходимости. Потому должна быть признана наказуемой и стачка торговцевъ дичью, фруктами, чаемъ, сахаромъ и пр.

Что касается тѣхъ предметовъ „первой необходимости“, о которыхъ говоритъ 1180 ст., то сюда должны быть отнесены, какъ справедливо говоритъ г. Неклюдовъ, предметы одежды, обуви, отопленія, освѣщенія, предметы продовольствія животныхъ: сѣно, овесъ, солома; кромѣ того, предметы для постройки жилищъ, какъ то: строевой лѣсъ, кирпичъ, желѣзо; необходимые инструменты, утварь и посуда, лѣкарства и проч. Не подходятъ подъ это опредѣленіе предметы комфорта и роскоши; но критеріемъ должны служить не потребности

„*простолюдина*“, а скорѣе кругъ необходимыхъ потребностей потребителей средняго класса, средняго достатка. Опредѣлить этотъ кругъ съ точностью—задача очень трудная и едва ли осуществимая; но мы высказываемся лишь противъ чрезмѣрно ограничительнаго толкованія, для котораго нѣтъ достаточно основаній въ законѣ.

Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что нашъ законъ предвидитъ только стачки торговцевъ и промышленниковъ предметами продовольствія и первой необходимости; остальныя торгово-промышленныя стачки не наказуемы. Въ этомъ отношеніи наше Уложеніе, принявъ принципъ наказуемости стачки, стоитъ гораздо ниже французскаго Code Penale, который вмѣсто частныхъ случаевъ дастъ общую норму.

Но если стачки, не предусмотрѣнныя изложенными выше статьями Уложенія о наказаніяхъ, не наказуемы, то является вопросъ: дѣйствительны-ли договоры о такихъ стачкахъ,

имѣютъ-ли они юридическую силу для участниковъ? Говоря иначе: могутъ-ли быть къ этимъ договорамъ примѣнимы 1528 и 1529 ст. X т. ч. I. Хотя въ 1529 ст. не упоминаются договоры о стачкахъ, но, конечно, это еще ничего не доказываетъ, такъ какъ перечисленіе этой статьи только примѣрное и не рѣшаетъ вопроса, могутъ-ли быть эти договоры подведены подъ 1528 ст., а именно, какъ „противные общественному порядку“. Мнѣ кажется, что да, такъ какъ выраженіе „общественный порядокъ“ должно быть понимаемо въ широкомъ смыслѣ.

Въ виду недостаточности какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ русскихъ законовъ о торгово-промышленныхъ стачкахъ и въ виду того значенія, которое онѣ пріобрѣли въ современной жизни,—при пересмотрѣ какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго кодексовъ предстоитъ рѣшить слѣдующіе вопросы:

1) Принять принципъ наказуемости или ненаказуемости стачки?

Въ первомъ случаѣ необходимо замѣнить нынѣ дѣйствующія частныя и отрывочныя положенія общей нормой; во второмъ—исключить не только стачки торгово-промышленныя, но и стачки рабочихъ изъ числа уголовныхъ проступковъ.

2) Если будетъ принятъ принципъ наказуемости стачекъ, то тѣмъ самымъ договоры о стачкахъ будутъ считаться не имѣющими юридической силы, какъ противузаконные; во второмъ случаѣ необходимо точно опредѣлить, имѣютъ-ли они юридическую силу или не имѣютъ таковой.

2849

